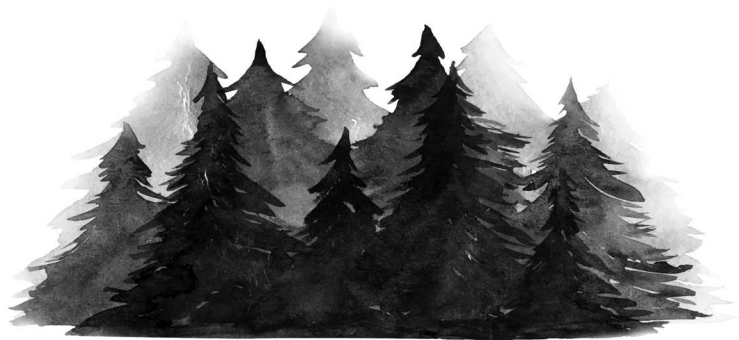

Яна Вуд

Хранители
Запредельных земель
ПО ТРОПАМ
ВОЛШЕБНЫХ
ЛЕСОВ

RUGRAM

Москва
2022

УДК 82-31
ББК 84(2Рос-Рус)
В88

Вуд, Я.
В88 По тропам волшебных лесов / Я. Вуд. — М. : Т8 Издательские технологии / RUGRAM, 2022. — 460 с. — (Хранители Запредельных земель).

ISBN 978-5-517-08940-3

Пастыри спасли Хейту от смерти и наделили волшебной силой. Но никто не жаловал таких, как она. И девушку ждала жизнь, полная одиночества. Но судьба послала ей спутников, мечтавших покончить с тёмным прошлым и жить иначе. Вместе они попытаются сохранить остатки мира между людьми и существами.

Но удастся ли им довести начатое до конца?

Ведь в Сумрачном лесу расплодилось зло. Химера жаждет места. А прошлое, которое Хейта и ее спутники так отчаянно старались забыть, вовсе не намерено их отпускать...

УДК 82-31
ББК 84 (2Рос=Рус)
ВІС FС
BISAC FIC000000

© Вуд Я., 2022
© Толстоусова Ю., оформление, 2022
© RUGRAM, 2022
ISBN 978-5-517-08940-3 © Т8 Издательские технологии, 2022

*Посвящается светлой памяти писателя
Гонтмахера Михаила Абрамовича*

ПРОЛОГ

Леса покрывали Запредельные земли с незапамятных времен. Одни леса были средоточием волшебства. Других оно не коснулось вовсе.

В волшебных лесах обитали всевозможные существа: упыри, что были вечно голодны, оборотни, что охотились в зверином обличье, пастыри, чьи глаза видели этот мир еще на заре веков. На мшистых тропах встречались диковинные звери. А о волшебстве здешних трав в Запредельных землях ходили легенды.

Леса, которые волшебство обошло стороной, принадлежали людям. Одни леса были светлы, как летний полдень и грели сердце ароматом душистых цветов. Другие сумрачны как осеннее утро и дурманили разум густым запахом хвои. Под сенью таких лесов не творились невиданные вещи. И все же по красоте они не уступали своим волшебным собратьям.

Но, невзирая на то, что существа и люди издревле жили бок о бок, дружбы между ними не было. Люди боялись волшебства и тех, кто им владел. Существа не доверяли лю-

дям. С древних времен раздоры расплзались по Запредельным землям, как пожары во время засухи.

Черета изнурительных войн, перемежаясь краткими периодами затишья, утекала в прошлое бесконечной кровавой рекой. А потом разразилась та самая война. Последняя война. Потомки нарекли ее Всесветной.

Тогда два мира сошлись с безумной целью — уничтожить врага любой ценой. И когда уже казалось, что Запредельные земли вот-вот захлебнутся в бушующем море пролитой крови, к участникам войны воззвали *пастыри*.

Самые древние и мудрые обитатели Запредельных земель, они давно уже твердили о мире, да только внимать им никто не спешил. Пастыри редко покидали места своего обитания — густые леса, неприступные горы и бурливые реки. Оттуда они черпали жизненную силу и силу волшебную. Но отчаянные времена требовали отчаянных мер.

Пастыри вышли к полям, где шли кровавые побоища. И золотистые всполохи света возвестили об их приходе. Люди подумали, что это подкрепление явилось для врага, и выпустили в воздух рой жалящих стрел. Но пастыри вскинули руки — и стрелы бессильно пали, цели своей так и не поразив.

Пастыри захотели потолковать с предводителем людей Рольдом Всемогущим и предводителем волшебных существ Бергом Тяжелая Лапа. Толковали прямо на ратном поле, с глазу на глаз. Как они примирили враждующие стороны — было неведомо.

Кто-то потом выдумывал, будто пастыри явили взору правителей мрачное будущее: бескрайние чёрные земли, которые навеки покинула жизнь. Другие считали, что они просто сломили их волю. Третьи рассказывали, что пастыри пригрозили враждовавшим скорой расправой. Ворох слухов окутал тот разговор.

Как бы то ни было, эта встреча положила конец войне. Люди и существа подписали мирный договор. Но отбросить вековые распри оказалось не так просто: обоюдная ненависть и недоверие никуда не ушли. И договор то и дело нарушали: то существа были не прочь полакомиться человечиною, то людям не терпелось их изрубить на куски.

Находились и те, кто желали сохранить мир. Так, существа спасали людей от когтей волшебных зверей. А люди сберегали существ от зверей двуногих, ловивших их для продажи на черных рынках. Но ни те, ни другие не ведали, что над миром нависла новая угроза.

Существо, чей род давным-давно сгинул и был позабыт, устало скрываться в темноте. Оно жаждало мести. Жаждало крови. И преследовало одну-единственную цель — известить под корень ненавистных людей.

Тем временем в захолустной деревеньке произошло событие, которое казалось незначительным. Жизнь маленькой, никому не известной девочки должна была вот-вот угаснуть.

Но, все великое обычно и начитается с событий, которые на первый взгляд кажутся нам незначительными. Ведь нет на свете события более важного, чем спасение жизни. Особенно детской жизни. И нет в мире чувства более сильного, чем любовь матери.

Вместе они обретают способность менять ход вещей. Получают силу, столь безудержную, что ее можно было бы назвать волшебной. Силу, способную изменить мир.

СВЕТ В НОЧИ

— *Вы сотворили меня себе на погибель, —
безумно расхохотался Дорг Лютый.*

— *Никогда! — воскликнул пастырь. —
Никогда больше этот мир не увидит нового
Фэй-Чар! — и обрушил на него всю свою мощь.*

«Листы памяти» пастыря Найши

I

Б еда пришла промозглой осенью. В деревне Кихт на границе с волшебным Заповедным лесом занемогла маленькая девочка. Близкие из сил выбились в попытках ее исцелить, но все было тщетно. Время шло, а бедняжка продолжала неумолимо гаснуть.

Один из вечеров выдался особенно ветреным и холодным. Солнце устало клонилось к западу. Мрачные тени ползли по холодной земле. В беспокойном небе зажигались первые тусклые звезды.

Крошечное тельце, бережно укрытое шерстяным одеялом, неподвижно лежало на мягко устланной лавке. Худенькое личико было белым как снег, брови мучительно сдвинуты, бледные губы беспомощно приоткрыты — несчастная тяжело и хрипло дышала.

Мать крутилась над девочкой, как наседка над цыпленком хворым. Простое синее платье, которое она не снимала уже несколько дней, сильно измялось. А длинные русые волосы, уложенные в толстую косу, совсем растрепались.

На лавке сурово и неподвижно, точно окаменевший великан, сидел могучий старик. Немигающий взор его карих глаз был устремлен перед собой. Седая борода и глубокие морщины, испещрившие выдубленное солнцем и ветром лицо, выдавали его преклонный возраст.

А над тремя безмолвными людьми, под самой крышей, в дымном полумраке, повисло напряженное ожидание. Тяжелое, незримое, мучительное ожидание чего-то...

Внезапно послышался стук копыт. В дверь постучали, и звучный голос нетерпеливо произнес:

— Это я, Бральд. Отворяйте! Привел!

Женщина облегченно выдохнула: «Целитель!» Старик резко поднялся, шагнул к двери и отпер засов. Его невозмутимое лицо слегка дрогнуло, — под маской видимого спокойствия таилась великая тревога.

Дверь со скрипом отворилась, представив взорам людей невысокую фигуру в плаще с капюшоном. В полутьме лица было почти не видать. Старик прищурился, силясь разглядеть крючковатый нос, длинную бороду и морщинистое лицо — так, по его мнению, должен был выглядеть истинный целитель.

Вот незнакомец шагнул вперед, и старик распахнул глаза от изумления. Перед ним стоял не старец, не мужчина и не

парень даже, — мальчишка! Мальчишка, которому от силы годков тринадцать набежало.

Из-под плотного капюшона цвета лесного мха выбилась кудрявая прядь огненно-рыжих волос. Юная кожа мальчишка, щедро усыпанная веснушками, даже намека не таила на морщины. И только ясные карие глаза казались многим старше своего владельца. Их взгляд источал необычайное спокойствие, завидную мудрость и знание.

У пояса целителя висела сума диковинной выделки, да и сам плащ, расшитый дивными, мерцающими в темноте травяными узорами, говорил о том, что трудились над ним не людские руки.

Старик нахмурился. Он привык к размеренной жизни вдали от городской суеты и не жаловал чужаков. А тех, кто якшался со всяким сбродом, умевшим творить чудеса, не переносил и подавно. Но лекарь был нужен, и когда этот мальчишка, спешно кивнув в знак приветствия, уверенно направился к постели больной, он проводил его недовольным взглядом, но смолчал.

Следом за целителем в дом вошел рослый русоволосый мужчина в длинном сером плаще, замызганных штанах и стертых сапогах. Его глаза, точь-в-точь как у хозяина, только без красных прожилок и желтоватой старческой пелены, выдавали кровное родство. Крупные обветренные губы растянулись в улыбке.

— Насилу сыскал.

Юный целитель откинул капюшон, жестом указал женщине поднести поближе масляный светильник, и бережно вгляделся в бледное, осунувшееся детское лицо.

— *Удушлица*¹, значит, подкосила, — прошептал он.

¹ Удушлица — воспаление легких (*прим. автора*).

